

УДК 323

КАК ИДЕИ МОДЕРНА СТАНОВЯТСЯ ИДЕОЛОГИЕЙ? HOW IDEAS OF MODERNITY HAVE BECOME IDEOLOGY?

А.А. Трунов
A.A. Trunov

*Белгородский университет кооперации экономики и права,
Россия, 308023, Белгород, ул. Садовая, 116а*

*Belgorod University of Cooperation of Economics and Law,
116a Sadovaya St., Belgorod, 308023, Russia*

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиций методологии конструктивизма показан процесс превращения идей в идеологию. В своих теоретических построениях мы исходим из того, что именно идеология объясняет человеку, что в обществе нужно поддерживать, а против чего выступать, что в обществе необходимо менять и к чему следует стремиться. Основное внимание мы сосредоточили на механизмах формирования идеологии, выделив три взаимосвязанных этапа: кристаллизацию смыслов; появление «культураторов будущего»; культурную гегемонию. В результате был сделан вывод о том, что идеология – это система регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества. При этом следует иметь в виду, что проектная логика развития может таить в себе такую опасность, как имплицитное отождествление идеологии и пропаганды.

Resume. The article from the standpoint of the methodology of constructivism shows the process of transformation of ideas into ideology. In his theoretical constructions, we believe that it is the ideology explains the person that society need to support, and against that act, that society needs to change and should aspire to. We focused on the mechanisms of formation of ideology, highlighting three interrelated stages: crystallization of meanings; the emergence of "cultivators of the future"; cultural hegemony. The result was the conclusion that ideology is a system of regulatory and project ideas about the structure of needs model of society. It should be borne in mind that the design logic of the development can be fraught with such danger, as the implicit identification of ideology and propaganda.

Ключевые слова: идея, нарратив, дискурс, пропаганда, идеология, Современность, культиваторы будущего, субъекты стратегического действия, гегемония, культура.

Key words: idea, narrative, discourse, propaganda, ideology, Modernity, the cultivators of the future, the subjects of strategic action, hegemony, culture.

Введение

Актуальность заявленной темы во многом определяется тем, что идеология (греч. *ἰδεολογία*, от др.-греч. *ἰδέα* – вид, форма, прообраз, идея; и *λογος* – слово, разум, учение), еще не столь давно дискредитированная и практически отовсюду «изгнанная», сегодня снова «возвращается» практически во все сколько-нибудь значимые сферы человеческой жизни, в том числе – и в государственную политику, наполняя ее отблесками высших смыслов. У кого-то данный факт вызывает восторг, у кого-то – раздражение, однако слово «идеология» все чаще звучит из уст российских государственных деятелей и политиков, которые придерживаются самых разных взглядов и ориентаций. Вместе с тем, ситуация с теоретическим осмыслением идеологии при ближайшем ее рассмотрении выглядит не только двусмысленной, но и крайне неоднозначной.

С одной стороны, к выявлению сущности идеологии, ее генезиса и наиболее значимых функций в обществе Модерна обращались многие философы и ученые-обществоведы [7, 8, 19, 26, 35, 38]. Ими были достигнуты определенные научные результаты, которые нельзя игнорировать. С другой стороны, «найдется совсем не много таких духовно-политических феноменов, которые, подобно идеологии, уже с самого момента своего возникновения вызывали бы столь настороженное и противоречивое к себе отношение» [28, с. 12]. Чтобы разобраться в этой довольно щекогливой ситуации, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике той философской традиции, которая сложилась к настоящему времени и связана с изучением идеологии.

Известно, что одним из первых мыслителей, сделавших серьезное философское обоснование объективной необходимости глубокого и всестороннего изучения идеологии, был Ф. Бэкон. Разработанное им учение об «идолах» [5, с. 18–20], которое можно назвать «идологией», предвос-

хищает многие последующие концепции идеологии [7]. Согласно Ф. Бэкону, «идолы» – это довольно специфические ментальные образования, «которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине» [5, с. 18]. Проанализировав ряд конкретных примеров, Ф. Бэкон предложил оригинальную классификацию, которая до сих пор не утратила своей эвристической полезности («идолы рода», «идолы пещеры», «идолы площади», «идолы театра»). Открытие Ф. Бэкона инициировало появление и других подходов, однако термин «идеология» не употреблялся философами еще весьма продолжительное время.

Впервые его использовал А.-Л.-К. Дестют де Траси в своем знаменитом докладе «Проект идеологии», который был прочитан им в Национальном институте наук и искусств 20 июня 1796 г. Основные тезисы этого доклада получили развернутое изложение в знаменитом учебнике «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова» (1801 г.) [9]. Примечательно, что в России данная работа увидела свет примерно через 200 лет после того, как была опубликована во Франции. Концепт идеологии использовался Дестютом де Траси в рационально-нейтральном смысле для обозначения науки об идеях [38, с. 14]. Как масштабный эпистемологический проект идеология предполагала более основательную разработку традиционной философской и научной проблематики [30, с. 48–53]. Однако благодаря убийственной характеристике Наполеона [9, с. 316, 30, с. 55] идеология стала восприниматься не как универсальная теория познания, а как достаточно нелепая разновидность «иллюзорного» или «ложного сознания». Сами же «идеологи» стали называться «идеологами» (вскоре это слово стали писать без кавычек).

Заметим, что «критическое восприятие идеологий как иллюзорного видения мира до сих пор остается одним из самых распространенных в социальных науках» [19, с. 7], что, безусловно, сказывается на качестве многих научных исследований, которые до сих пор обсуждают вопрос о том, чем одно определение идеологии «лучше» или «хуже» другого. И этот спор затянулся настолько, что практически не выводит философскую мысль из того теоретического тупика, в котором она оказалась во второй половине прошлого века, когда появились пресловутые концепции «конца идеологии» [11]. Порою даже складывается впечатление, что философская мысль как бы «застыла» между открытиями К. Маркса и К. Манхейма [17, с. 7–544; 16, с. 7–276], так и не сумев «превзойти» или толком «освоить» ни того, ни другого. И если в советский период было принято восхвалять К. Маркса, буквально «сквозь зубы» признавая заслуги К. Манхейма, то в постсоветский период ситуация стала обратной. Между тем в силу вполне определенных обстоятельств, которые не имеет смысла рассматривать в данной статье, ни К. Маркс, ни К. Манхейм так и не ответили на вопрос о том, каким же образом идеи становятся идеологиями?

Мы отнюдь не покушаемся на заслуги двух наиболее авторитетных исследователей идеологии. Наша цель заключается в том, чтобы «оттолкнувшись» от их теоретических и методологических разработок, продвинуться дальше. При этом в своих построениях мы будем исходить из тезиса о том, что «теоретическая рефлексия идеологии как политического явления всегда носила отпечаток критики, заложенной еще марксистским видением идеологии как иллюзорного сознания» [19, с. 9]. Все это действительно так. Однако данный подход, сформировавшийся преимущественно в русле рационального идеала классической позитивистской науки, не только не соответствует современному этапу ее развития [21, 22, 29], но и невольно заводит нас в тупик.

Если идеология – это всего лишь пустая или вредоносная иллюзия, то зачем же тратить время на ее изучение? Уж не затем ли, чтобы сводить универсум политики к простому ситуационному реагированию, элементарной аксиоматике и, чего уж греха таить, к циничному манипулированию массовым сознанием в период выборов? Такую политику сегодня можно назвать «тупиком прагматизма». Она не способна мобилизовать дремлющую историческую энергию российского общества и вывести его на новый виток развития. Отсюда – ощущение застоя и интеллектуального регресса. Мы как будто ходим по замкнутому кругу и живем истлевающим прошлым. «Будущее, изъятое из обращения, было растрчено, культурное наследие истощилось, стрелки на часах российской истории замедлили ход и, вздрогнув, провисли, указав на вплотную приблизившийся исход», – отмечает в этой связи один из наиболее вдумчивых и проницательных российских философов и политологов А.И. Неклесса [23, с. 36].

Однако вернемся к идеологии. На наш взгляд, она представляет собой не столько ту или иную разновидность «иллюзорного» или «ложного сознания», сколько *систему регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества*. Сходную точку зрения высказывает и Е.В. Смирнова, которая предлагает рассматривать идеологию в качестве части «одновременно проектной и ориентационной подсистем общественного сознания, обладающей политическим содержанием» [26, с. 140]. Идеология, по ее же словам, «представляет собой определенную форму духовной деятельности (и, одновременно, продуктов этой деятельности), характеризующейся выполнением своей основной функции легитимации того или иного политико-правового режима и/или программ его изменения» [26, с. 139–140]. Подобный подход «не ведет к формированию отрицательного, негативного отношения к данному феномену» [26, с. 140].

Вместе с тем мы должны специально оговорить, что проектная логика развития может таить в себе такую опасность, как имплицитное отождествление идеологии и пропаганды. Дело в том, что пропаганда зачастую используется идеологией, например, для «продвижения» и «некритического усвоения» обывателями довольно скверных идей. Один из наиболее авторитетных специалистов в данном вопросе («отец» современного пиара) Э.Л. Бернейс полагал, что важнейшие политические идеи должны разрабатываться элитой и ее интеллектуальной обслугой, а простым людям они должны преподноситься в уже готовом к «употреблению» виде [3, 4]. При этом Э.Л. Бернейс деликатно «умалчивал» о том, что никакая даже самая технологически «продвинутая» и интеллектуально изощренная пропаганда не в состоянии «сконструировать» полноценную идеологию. Поэтому чтобы не оказаться одурманенными ядами пропагандистских «дождей», мы должны крайне внимательно относиться к содержанию современных политических проектов, особенно тех, для продвижения которых используется мощный инструментарий пропаганды.

Любая идеология как культурная система имеет связь с господствующими представлениями о человеке, на что обоснованно указывал К. Гирц [8, с. 225–267]. А согласно концепции политолога К. Флада, каждая идеология по-своему объясняет человеческую природу и, исходя из этого, «раскрывает и оценивает существующее общественное устройство, соотнося его с собственными воззрениями на то, каким мир должен быть» [31, с. 20]. Став феноменом общественного сознания, идеология действительно предоставляет в распоряжение людей своего рода «дорожную карту», позволяющую им ориентироваться в политической реальности, принимать или не принимать ее содержание и интерпретировать ее главный смысл, выражающий суть времени [26]. «В основе идеологии лежит двухполюсная логика, которую можно описать простейшей дихотомией: *мы/они* = *правые/неправые* = *хорошие/плохие*» [28, с. 13]. Такое противопоставление вполне отражает суть классического понимания политического, основанного на фундаментальном различии «друга» и «врага», которое наиболее четко выразил К. Шмитт [37]. В принципе история еще не знала таких идеологий, которые существовали бы вне того базового конфликта, который определяется рамками конкретной политической ситуации.

Исходя из этого, изложим суть авторской концепции, которая не только синтезирует основные достижения существующих научных подходов, но и содержит нечто принципиально новое и теоретически оформленное.

В процессе развития идеологии мы выделяем три взаимосвязанных этапа: 1) кристаллизацию смыслов; 2) формирование «культураторов будущего»; 3) культурную гегемонию. Рассмотрение логики превращения неких абстрактных и довольно разрозненных идей в полноценную практически ориентированную идеологию является основной целью настоящей статьи. При этом вслед за Г.И. Мусихиным, чьи публикации [19, 20] и личные разъяснения в определенном смысле «подсказали» нам содержание и основную направленность данного исследования, мы будем придерживаться методологии конструктивизма. Основное внимание мы сосредоточим не на критике существующих определений идеологии, а на механизмах ее формирования, постоянно «держая» в уме тот главный вопрос, который вынесен в заголовок данной статьи.

Кристаллизация смыслов

Первый этап – *кристаллизация смыслов*, – включает в себя процесс генезиса протоидеологии, что предполагает хотя бы эскизную проработку ее теоретических основ. При этом субъектам интеллектуальной деятельности, разрабатывающих привлекательную модель нового общества, крайне важно отказаться от утопизма и весьма полезно научиться выделять из колоссальных массивов информации наиболее существенное, то есть освоить компетенции проектного мышления, предполагающего способность «прозревать невидимые миру горизонты» [24, с. 53].

Исходным пунктом любой из классических идеологий Современности (консерватизма, либерализма, социализма), по сути, служит некоторый комплекс довольно простых идей, развивающийся в той или иной интеллектуальной среде и способствующий возникновению и самоорганизации интеллектуальных движений, которые более или менее явственно воздействуют на состояние общественного сознания. В смысловом ядре каждой протоидеологии содержится кластер неопровержимых аксиом, образующих идеационную сеть, которая способна существовать в неизменном виде в течение более или менее длительного времени. «Узлами» же в данной идеационной сети выступают неэлиминируемые ключевые понятия, отражающие реальное или желаемое состояние актуальной политической практики. Идеологии как логически выстроенные и культурно укорененные интерпретационные рамки предоставляют тем или иным субъектам публичной политики реальные возможности объяснения и преобразования действительности, которые одновременно являются «эмоционально захватывающими, логически убедительными и эвристически полезными» [19, с. 13].

При этом ядро протоидеологического замысла (будь то консерватизм, либерализм или социализм) обладает «широкой способностью к абсорбции духовных ценностей», включая, разумеется, и те, которые этому ядру антагонистичны [7, с. 23]. Однако такой процесс смыслового «присоединения» периферии к ядру не является произвольным. Он начинался лишь тогда, когда с помощью основополагающих аксиом, которые были четко определены в период борьбы протоидео-

логии за свою идейную «чистоту», в общественное сознание инкорпорируется своеобразная *смысловая матрица*, обеспечивавшая функциональную монолитность любых периферийных наслоений. Поэтому они не только не разрушают протоидеологию, а существенным образом укрепляют и стабилизируют ее. Тем самым на языковом уровне утверждается впечатление «целостного, последовательного и безгранично гибкого мировоззрения, которое своей способностью все объяснить» [7, с. 26] существенно выигрывало рядом с застывшим догматизмом однозначных истин.

Заметим, что важнейшие идеи, составляющие смысловой фундамент протоидеологии, должны быть достаточно плотно интегрированы в *интеллектуальный дискурс*, который функционирует как механизм более или менее квалифицированного обсуждения той или иной актуальной проблемы, имеющий в своем основании философский, научный, политический или любой иной нарратив. «Какой бы изначальный статус ни имел этот нарратив, в процессе своего обсуждения он неизбежно приобретает публичный статус только в том случае, если становится фактом общественного мнения» [30, с. 61]. Когда статусные носители экспертного знания начинают серьезно обсуждать этот нарратив, прибегая к его аргументированной критике, возникает интеллектуальный дискурс.

Механизмом организации интеллектуального дискурса в обществе Модерна выступает *публичная коммуникация* (от лат. *communicatio* – делаю общим, связываю, общаюсь) как необходимая составляющая системы духовного производства данного типа общества. «Это особый вид социальных коммуникаций, нацеленных на передачу информации, затрагивающей общественный интерес, с одновременным приданием ей публичного статуса. После этого информация, актуальная только для участников интеллектуального дискурса, приобретает социально значимый характер» [28, с. 17].

В свою очередь публичная коммуникация связана с существованием *публичной сферы*, позволяющей осуществлять *общественный диалог*. Дело в том, что любая идеология может реально существовать только лишь в процессе интерактивного общения людей. Идеологию можно рассматривать как нарратив, если характеризовать ее с точки зрения содержания некоего программного текста. Однако уже в контексте обсуждения данного текста она сравнительно легко трансформируется в интерактивную коммуникацию. При этом всегда довольно сложно прогнозировать, какие именно идеи вызовут массовый ценностный отклик. (Хотя всевозможные «политтехнологи» довольно редко справляются с искушением, чтобы не «приписать» подобные «достижения» исключительно собственным заслугам.)

В целом же этап формирования протоидеологии «характеризуется возникновением более или менее упорядоченного комплекса идей, рассматривающих какие-то общественные слои, их властные притязания и рациональные интересы в качестве определяющей силы исторической динамики» [28, с. 16]. Примечательно, что полемика между представителями родственных идейно-политических течений носит гораздо более яростный и ожесточенный характер, нежели радикальная критика смысловых комплексов «старого мира», который на глазах истлевает и превращается в прах.

«Культиваторы будущего» / субъекты стратегического действия

Второй этап (назовем его *организационно-практическим*) связан с тем, что выработанные теоретиками идеологические построения и концепции получают распространение среди широких кругов интеллигенции, интеллектуалов и других влиятельных агентов духовного производства. Тем самым *идея* обретает свой *λόγος*. На этом этапе и происходит *превращение* конкретных протоидеологий «в более или менее полноценные идеологии» [28, с. 17].

Исторический опыт свидетельствует о том, что в теле несовершенного политического организма происходит «формирование иного сообщества, контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством» [24, с. 49]. И это не обязательно классические «катакомбы», в которых молились и причащались первые христиане. Скорее речь идет о «культиваторах будущего» (субъектах стратегического действия) как своеобразном распределенном множестве лиц, обладающих иным соборным видением и четким пониманием того, что имеющаяся конструкция социального порядка стала как-то неуклонно деградировать и «проседать».

Эпоха Модерна (или Современность), как совершенно обоснованно отмечается в монографии Ю.М. Мельник и В.П. Римского, имеет особую, рационально-проектную темпоральность, суть которой заключается в том, что «время неуклонно бежит от прошлого через настоящее к будущему, и в этом беге рождается концепт *времени Модерна*, в котором доминирует *экзистенциальный вектор нового, будущего*» [18, с. 153].

Предложенная профессором В.П. Римским и его соавторами философско-культурологическая интерпретация времени Модерна [1, 2, 18] представляется нам весьма важным аспектом изучаемой проблемы. Так, Ю.М. Мельник и В.П. Римский характеризуют данный период как холодное «новое время» Модерна, обращаясь к анализу тех изменений, которые произошли в сфере религиозного сознания и психосферы как таковой [18, с. 132–154]. Безусловно, по-своему они правы: экзистенциально человек существенно «проиграл», поскольку лишился целостного мировоззрения, «нанизанного» на вертикаль смыслов. Однако наряду с секуляризацией, понимаемой как «отпадение» человека от Бога, происходило и нечто совсем другое: высвобождение ко-

лоссальной социальной и психоисторической энергии, которая долго «дремала» и жестко подавлялась репрессивными по самой своей сути структурами повседневности традиционного общества. Наконец-то она «вырвалась» наружу.

Безусловно, отдельные «выбросы» такой энергии наблюдались и ранее. Достаточно вспомнить противостояния Реформации и хилиазма как двух конфликтующих парадигм, реализующих экзистенциальные устремления и миростроительные энергии людей предсовременной эпохи [25]. Непримируемый конфликт Реформации и хилиазма, в котором столкнулись в смертельной схватке неразрывно связанные друг с другом конкурирующие образы желаемого будущего и проекты мироустройства, «выступил своеобразным катализатором многих необратимых исторических изменений, которые положили начало эпохе Модерна и задали ее принципиально незавершенный характер» [25, с. 19]. Хилиасты дорого заплатили за свои ценности и убеждения. Однако именно они зажгли «прометеев огонь» эпохи Модерна. Ведь это была реальная попытка исторического прорыва, связанная с выходом за пределы той жуткой повседневности, в которой оказалось абсолютное большинство европейцев не только в XVI, но и в первой половине XVII в.

По своим последствиям начало «нового времени» было отнюдь не «холодным», а скорее «горячим». Об этом свидетельствует и резкое обострение социального активизма, что нашло свое выражение в появлении такого мощного «тарана Истории» как *революции* [36, с. 6–13]. Ведь произошло не просто внезапное обрушение несущих конструкций Старого порядка [27], а «рождение» проектно-конструируемой Истории, которая очень сильно «ускорила» происходящие в обществе перемены.

По словам А.И. Фурсова, сама возможность проектировать, корректировать и в известной мере «направлять» ход Истории во многом обусловлены наличием следующих взаимосвязанных обстоятельств:

– появлением достаточно влиятельных сообществ, обладающих геоисторическим целеполаганием, стратегическим планированием и возможностями претворять свои идеи в жизнь (субъектов стратегического действия);

– формированием «адекватного объекта манипулирования» (атомизированно-агрегированного «человеческого материала») как средства решения проектно-конструкторской (геоинженерной) исторической деятельности;

– наличие прочной и устойчивой финансовой базы, которая могла бы обеспечить надежный и бесперебойный доступ к власти и собственности;

– умение контролировать информационные потоки, направляя их в нужное «русло»; например, существенно выросла роль определенным образом «упакованной» информации, «подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной и принципиально новой» [32, с. 71];

– наличие структур рационального знания, анализирующих закономерности развития Истории, «массовые процессы и социальные группы в качестве объектов и средств реализации проектно-конструкторской деятельности» [32, с. 69].

Как полагает И. Валлерстайн, «идеология – это не просто набор идей или теорий. Она больше, чем моральный выбор или мировоззрение. Идеология – это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана» [6, с. 149]. Исторически идеологии оказались востребованы именно тогда, когда политические перемены были признаны формирующимся буржуазным обществом не просто нормальными, а весьма желательными. Отсюда – претензия всех Великих идеологий Современности (консерватизма, либерализма, социализма) на то, чтобы предъявлять растерянному обществу привлекательные образы желаемого будущего, без которых невозможна История. Опыт эпохи Просвещения и в особенности Великой французской революции 1789–1799 гг., которую М. Малиа справедливо характеризует как «воинствующую Современность» [16, с. 209–250], свидетельствуют о том, что вначале *классовая протосубстанция* (она же – «класс в себе») обретает структуру, волю и сознание; затем она превращается в полноценную *субстанцию* («класс для себя»); и только после этого преобразуется в *субъект стратегического действия* («класс-гегемон»), который только и способен вывести человечество на новый виток развития.

Зафиксируем ряд теоретических положений, без учета которых невозможно адекватное понимание логики действий «культиваторов будущего»:

«Первое: существуют сложные открытые социальные системы, которые взаимодействуют с внешней средой.

Второе: такие социальные системы могут находиться не только в состоянии хаоса или порядка, но и в состоянии «неравновесного порядка» (который при слабых воздействиях может легко обрушиться в хаос), а также в состоянии «детерминированного хаоса» (который при слабых воздействиях может трансформироваться в относительно устойчивый порядок). Принципиальным моментом здесь является именно то, что даже ничтожное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы и саму будущность социальной системы.

Третье: оба эти процесса возможны лишь при условии, что в социальной системе уже существуют специфические «зародыши» хаоса или порядка, называемые аттракторами. При этом

фазовый переход порядка в хаос или хаоса в порядок, как правило, в таких социальных системах происходит очень быстро или практически мгновенно» [29, с. 435–436].

В целом же «искусство динамического управления стохастическими массивами» [22, с. 102] заключается в способности *субъекта стратегического действия* успешно реализовать следующие ситуации: грамотно «подвести» социальную систему к неравновесному состоянию; в нужное время «ввести» фактор, приводящий социальную систему к обвалу; «подключить» аттрактор, структурирующий социальную систему в желаемом направлении. (Основная сложность здесь заключается главным образом в том, что аттракторов обычно бывает несколько, поэтому довольно трудно заранее предсказать, на какой именно из них «упадет» социальная система).

Все случайное, наносное, вторичное самым безжалостным образом «изымается» из идеологии. При этом «цветущая сложность» и рафинированная изошренность первоначальных идей, доступных сравнительно небольшому числу продвинутых интеллектуалов, нередко заменяются элементарной политической аксиоматикой, имеющей прагматическую окраску и доступной массовому восприятию. Постепенно оформляются: во-первых, *философия практики* как концентрированное выражение новой идеологии; во-вторых, тот *субъект стратегического действия*, который готов предъявить всему обществу и реализовать ее рациональное политическое содержание. Зачастую осуществляется своеобразная «символизация» идеологии, вследствие чего она приобретает черты *политического мифа* [20, 31].

Культурная гегемония

Третий этап связан с тем, что новая идеология становится практически ориентированной теорией захвата и удержания государственной власти за счет предъявления обществу привлекательного образа желаемого будущего и его «трансляции» в массы (этап культурной гегемонии).

Образ будущего – это основа идеологии. «Подлинный образ будущего подключает человека к созидательным энергиям. Он подразумевает, что дорога в благое будущее открыта для всех. И что на этом пути к будущему всякий получает возможность развиваться и восходить. Лжеобраз будущего предполагает, что пропускные билеты туда выдаются избирательно. Будущее – не для всех» [12, с. 195]. Однако чаще всего предъявление обществу только лишь образа желаемого будущего недостаточно. В таких случаях необходима полноценная «дорожная карта», прокладываемая в будущее более или менее «надежный» маршрут [22–24].

При этом культурная составляющая идеологических процессов играет гораздо более существенную роль, нежели привычное brutальное насилие, на котором ничего серьезного не построишь. Это великолепно продемонстрировал выдающийся мыслитель и практик Г. Лукач, который писал о том, что «привыкший к господству и наслаждению привилегиями класс никогда не сможет спокойно смириться с голым фактом поражения и без обиняков подчиниться новому порядку вещей. Он должен быть сначала сломлен идеологически, чтобы затем добровольно стать на службу новому обществу» [14, с. 341]. Сын крупного банкира и блестящий интеллектуал, уже по факту своего рождения тесно интегрированный в культурную и политическую элиту, однако, тем не менее, осознанно ставший профессиональным революционером, Г. Лукач, пожалуй, как никто другой понимал, какие реальные трудности возникают на этом сложном пути.

Заметим, что культурная гегемония весьма отличается не только от тривиального насильственного удержания престижных социальных позиций, но и от «чистого» господства, «многоликого и единообразного одновременно» [10]. Дело в том, что «господство не только всегда предполагает рабство» [10, с. 346], но и стремится закрепить эти отношения в модуле абсолютной зависимости. Гегемония же закрепляет культурное лидерство и опережение в конкурентном движении человечества к Свободе и Прогрессу, возглавляемое субъектом стратегического действия.

Идеология овладевает массами только тогда, когда предъявляет им накаленный исторический Смысл. Отсюда – претензия всех основных идеологий Современности (консерватизма, либерализма и социализма) на то, чтобы предъявлять растерянному обществу привлекательные образы / «дорожные карты» желаемого будущего, без которых невозможна История. С одной стороны, это порождает такое важное качество идеологий как их онтологическую связь с миром утопий, а с другой, – превращает идеологии в силу, призванную изменить мир в пользу тех или иных субъектов стратегического действия, с большей или меньшей настойчивостью реализующих / «культурирующих» различные версии одного и того же проекта Освобождения [13, с. 60–95].

Эта новая культура Освобождения «продуцирует особый тип политических отношений, который превосходит любую социальную детерминацию, иерархичность или связность традиционного общества» [28, с. 19]. Чтобы встать во главе этой грандиозной Революции Освобождения, субъекту стратегического действия необходимо не просто устранить собственное зависимое / рабское состояние, а ликвидировать саму вероятность стать рабами для всех людей, живущих на Земле. А это и есть, как нам представляется, основная и неустранимая претензия всей геокультуры Модерна, носящей проектно-освободительный характер [34].

Однако если значение политических ценностей окажется недостаточно артикулированным в публичном пространстве, то политическая культура «гегемона» / субъекта стратегического дей-

ствия может приобрести эзотерический характер, а это – путь к конспирологии и анти-Модерну, новому рабству и многоэтажному человечеству с непроницаемыми кастами, рангами и разрядами «посвященных» [32]. Предложить обществу и всему человечеству наиболее авангардное «прочтение» Современности, – вот главная задача культурной гегемонии. Именно в этом и заключается принципиальная незавершенность и социальная привлекательность Модерна как исторического проекта [33, с. 7–31], который по-прежнему будоражит умы всех политически ответственных мыслителей. Никаких других проектов, предлагающих человечеству подобную обнадеживающую перспективу, сегодня просто не существует.

Классические идеологии Модерна со временем утрачивают свои фундаментальные свойства и смысловые границы, становятся саморазвивающимися открытыми системами, которые заимствуют друг у друга новые принципы и ценности, существенным образом трансформируя их содержание [7, 19, 35, 38]. В результате, происходит неизбежная *мутация* мировоззренческого ядра каждой классической идеологии Модерна, что в свою очередь влияет на содержание и динамику политического процесса [19, с. 73–168]. Впрочем, трансформация смыслового ядра классических идеологий Современности – это явление достаточно уникальное, поэтому попытки спрогнозировать конечный результат в большинстве случаев оказываются тщетными.

Заключение

Подводя общий итог наших размышлений, сформулируем основные выводы данной статьи, которые имеют определенную новизну и теоретическую ценность.

1. Идеи – это естественный «строительный материал» и «фундамент» любой идеологии. Философское изучение идеологий всегда связано с герменевтической реконструкцией некоторых основополагающих идей, которые имеют собственный генезис и проходят в своем развитии определенную эволюцию. Особую разновидность идей составляют именно те, которые оказывают наиболее существенное влияние на мировоззрение, ценностные ориентации людей, выражают их жизненные интересы и обуславливают различные формы и проявления социального активизма. Поскольку политическое связано с фундаментальным различием «друга» и «врага», то наиболее существенные конфликты, происходящие в обществе, «втягивают» в себя самые разнообразные идеи, способствуя генезису протоидеологий.

2. В своем развитии классические идеологии Модерна проходят три взаимосвязанных этапа. На первом из них происходит кристаллизация смыслов и осуществляется формирование ядра протоидеологии. Основным содержанием второго этапа является оформление «культураторов будущего» – распределенного множества лиц, которые обладают неким соборным видением существующих проблем и вырабатывают не только «дорожную карту» их преодоления, но и модель построения иного общества, весьма отличного от того, что наличествует здесь и теперь (поскольку оно представляется им деградирующим, безнадежно «большим» или не поддающимся исправлению). На третьем этапе «культураторы будущего» как субъекты стратегического действия предъявляют растерянному обществу привлекательный образ желаемого будущего и завоевывают господствующие позиции в сфере духовного производства. При этом культурная гегемония субъектов стратегического действия существенным образом отличается от традиционного господства.

3. Признание неизбежности идеологий в обществе Модерна предполагает отказ от их рассмотрения сквозь призму «ложности» и «иллюзорности», то есть выводит философскую мысль из того теоретического тупика, в котором она оказалась ранее. Каждая из Великих идеологий Модерна может быть охарактеризована как система регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества. Именно идеологии объясняют человеку, что в обществе нужно поддерживать, а против чего выступать, что в обществе необходимо менять и к чему следует стремиться. Когда же та или иная идеология достигает состояния своей теоретической оформленности, она выполняет функции своеобразной «дорожной карты», по которой субъекты стратегического действия сверяют свои шаги в политике, ориентируясь на конкретные цели и ценности, которые закреплены в смысловом ядре идеологии. При этом следует обратить внимание на то, что проектная логика развития может таить в себе такую опасность, как имплицитное отождествление идеологии и пропаганды. Но это – тема отдельного исследования.

Список литературы References

1. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. № 2 (199). Вып. 31. – С. 65–80.
Belonenko E.O., Rimskij V.P. Vremja v samoidentifikacii moderna // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. – 2015. № 2 (199). Вып. 31. – С. 65–80.
2. Белоненко Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – № 1 (5). – С. 5–24.

- Belonenko E.O., Rimskij V.P. Kapitalizacija vremeni v civilizacii moderna // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. – 2015. – № 1 (5). – S. 5–24.
3. Бернейс Э. Кристаллизация общественного мнения / пер. с англ. – М.: Вильямс, 2015. – 272 с.
- Bernejs Je. Kristallizacija obshhestvennogo mnenija / per. s angl. – M.: Vil'jams, 2015. – 272 s.
4. Бернейс Э. Пропаганда / пер. с англ. – М.: Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
- Bernejs Je. Propaganda / per. s angl. – M.: Hippo Publishing, 2010. – 176 s.
5. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. / пер. с англ. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
- Vjekon F. Sochinenija: V 2-h t. / per. s angl. – M.: Mysl', 1972. – T. 2. – 582 s.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Территория будущего» 2006. – 248 с.
- Vallerstajin I. Mirosistemnyj analiz: Vvedenie / per. s angl. – M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego» 2006. – 248 s.
7. Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. – М.: Посев, 2012. – 128 с.
- Gal'ceva R., Rodnjanskaja I. Summa ideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznanija» v novejschie vremena. Kritiko-analiticheskoe obozrenie zapadnoj mysli v svete mirovyh sobytij. – M.: Posev, 2012. – 128 s.
8. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
- Girc K. Interpretacija kul'tur: per. s angl. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. – 560 s.
9. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2013. – 334 с.
- Destjut de Trasi A.-L.-K. Osnovy ideologii. Ideologija v sobstvennom smysle slova / per. s fr. – M.: Akademicheskij Proekt, 2013. – 334 s.
10. Исаев И.А. Господство: Очерки политической философии. – М.: Норма, 2013. – 352 с.
- Isaev I.A. Gospodstvo: Ocherki politicheskoi filosofii. – M.: Norma, 2013. – 352 s.
11. Корнев В.В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 4. – С. 51–59.
- Kornev V.V. Ideologija posle konca ideologii: v labirintah sovremennogo politicheskogo soznanija // Labirint: Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. – 2014. – № 4. – S. 51–59.
12. Кудинова А.Е. Информационно-психологическая война. – М.: МОФ ЭПЦ, 2013. – 384 с.
- Kudinova A.E. Informacionno-psihologicheskaja vojna. – M.: MOF JeTC, 2013. – 384 s.
13. Лахман Р. Что такое историческая социология? / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 240 с.
- Lahman R. Chto takoe istoricheskaja sociologija? / per. s angl. – M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015. – 240 s.
14. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 416 с.
- Lukach G. Istorija i klassovoe soznanie. Issledovanija po marksistskoj dialektike / per. s nem. – M.: Logos-Al'tera, 2003. – 416 s.
15. Малиа М. Локомотивы истории: Революция и становление современного мира / пер. с англ. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 405 с.
- Malia M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira / per. s angl. – M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2015. – 405 s.
16. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
- Manhejm K. Diagnost nashego vremeni / per. s nem. i angl. – M.: Jurist, 1994. – 700 s.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – XIV, 616 с.
- Marks K., Jengel's F. Sochinenija. – 2-e izd. – T. 4. – M.: Gospolitizdat, 1955. – XIV, 616 s.
18. Мельник Ю.М., Римский В.П. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре. – СПб.: Алетейя, 2013. – 184 с.
- Me'l'nik Ju.M., Rimskij V.P. Vremja zhit' i vremja sozercat'... Jekzistencial'nye smysly i filosofskoe ponimanie vremeni v klassicheskoj evropejskoj kul'ture. – SPb.: Aletejja, 2013. – 184 s.
19. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. – М.: Высшая школа экономики, 2013. – 288 с.
- Musihin G.I. Ocherki teorii ideologij. – M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2013. – 288 s.
20. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. – 2015. – № 5. – С. 102–117.
- Musihin G.I. Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoi simvolizacii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2015. – № 5. – S. 102–117.
21. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргамак-Медиа, 2015. – 512 с.
- Nazaretjan A.P. Nelinejnoe budushhee. Megaistorija, sinergetika, kul'turnaja antropologija i psihologija v global'nom prognozirovanii. – M.: Argamak-Media, 2015. – 512 s.
22. Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 85–110.
- Neklessa A.I. Okna v budushhee: kul'tura slozhnosti i samoorganizacii // Polis. Politicheskie issledovanija. – 2015. – № 1. – S. 85–110.
23. Неклесса А.И. Культураторы будущего // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. № 2. – С. 22–37.
- Neklessa A.I. Kul'tivatory budushhego // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. – 2016. – T. 10. № 2. – S. 22–37.
24. Неклесса А.И. Созидание будущего // Стратегия России. – 2016. – № 12. – С. 41–54.

- Neklessa A.I. Sozidanie budushhego // Strategija Rossii. – 2016. – № 12. – S. 41–54.
25. Поддубный Н.В., Трунов А.А. Реформация и хилиазм (идейные истоки современности) // Историческая психология и социология истории. – 2015. – Т. 8. № 1. – С. 5–20.
- Poddubnyj N.V., Trunov A.A. Reformacija i hiliazm (idejnye istoki sovremennosti) // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. – 2015. – Т. 8. № 1. – S. 5–20.
26. Смирнова Е.В. Идеология в системе общественного сознания // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 1(46). – С. 134–140.
- Smirnova E.V. Ideologija v sisteme obshhestvennogo soznanija // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2016. – № 1(46). – S. 134–140.
27. Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. – СПб.: Алетея, 2008. – 248 с.
- Tokvil' A. Staryj porjadok i revoljucija / per. s fr. – SPb.: Aletejja, 2008. – 248 s
28. Трунов А.А. Идеология в обществе Модерна: генезис, назначение, логика исторической эволюции // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 10 (30): сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 11–21.
- Trunov A.A. Ideologija v obshhestve Moderna: genezis, naznachenie, logika istoricheskoi jevoljucii // Aktual'nye voprosy obshhestvennyh nauk: sociologija, politologija, filosofija, istorija. № 10 (30): sbornik statej po materialam XXX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. – Novosibirsk: Izd. «SibAK», 2013. – S. 11–21
29. Трунов А.А. Роль синергетики в моделировании социальных процессов // Социология и социальная работа в системе профессионального образования: Материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Белгород: Изд-во БУКЭП, 2015. – С. 429–438.
- Trunov A.A. Rol' sinergetiki v modelirovanii social'nyh processov // Sociologija i social'naja rabota v sisteme professional'nogo obrazovanija: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi i nauchno-metodicheskoi konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava i aspirantov. – Belgorod: Izd-vo BUKJeP, 2015. – S. 429–438.
30. Трунов А.А. Человек, обретающий смыслы. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 88 с.
- Trunov A.A. Chelovek, obretajushhij smysly. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 88 s.
31. Флад К. Политический миф: теоретическое исследование / пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 263 с.
- Flad K. Politicheskij mif: teoreticheskoe issledovanie / per. s angl. – M.: Progress-Tradicija, 2004. – 263 s.
32. Фурсов А.И. De Conspiratione: Капитализм как Заговор. Т. I. 1520–1870-е годы // Фурсов А.И. (ред.) De Conspiratione / O Zagovore. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. – С. 7–143.
- Fursov A.I. De Conspiratione: Kapitalizm kak Zagovor. T. I. 1520–1870-e gody // Fursov A.I. (red.) De Conspiratione / O Zagovore. – M.: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2013. – S. 7–143.
33. Хабермас Ю. Политические работы / пер. с нем. – М.: Практикс, 2005. – 368 с.
- Habermas Ju. Politicheskije raboty / per. s nem. – M.: Praksis, 2005. – 368 s.
34. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. 2-е изд., испр. – М.: Весь Мир, 2008. – 416 с.
- Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadcat' lekcij / per. s nem. 2-e izd., ispr. – M.: Ves' Mir, 2008. – 416 s..
35. Шварцмантель Д. Идеология и политика / пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 312 с.
- Shvaremantel' D. Ideologija i politika / per. s angl. – Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj Centr», 2009. – 312 s.
36. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. – М.: Родина Медиа, 2014. – 452 с.
- Shubin A.V. Velikaja Rossijskaja revoljucija: ot Fevralja k Oktjabrju 1917 goda. – M.: Rodina Media, 2014. – 452.
37. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
- Shmitt K. Ponjatie politicheskogo / per. s nem. – SPb.: Nauka, 2016. – 568 s.
38. Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.
- Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.